

вом делает возможным постепенное ограничение государственного вмешательства в экономическую и социокультурную жизнь граждан. Разрастание государства будет постепенно сведено к минимуму, и оно займет надлежащее ему в условиях современного развития место — быть исключительно функцией общества под его постоянным и всесторонним контролем.

ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВ,

*аспирант отдела социальной психологии Института социологии НАН
Украины*

Степень востребованности категории “интерес” в социологической теории

Уважаемые коллеги, хотел бы обратить Ваше внимание на вопрос востребованности категории “интерес” в теоретических исследованиях в социологии. В социологическом дискурсе, начиная от классики и заканчивая последними теоретико-социологическими разработками, прослеживаются довольно разнообразные, подчас противоречивые трактовки данной категории, что поднимает проблему определения ее значения и места в социологической науке. Используемый мною проблемный подход позволил условно выразить степень востребованности категории в четырех основных направлениях:

В первом направлении категория интереса признается первоочередной в объяснении социальной реальности. Такая позиция представлена в социологическом наследии Г.Ратценхофера, А.Смолла, Э.Росса, А.Бентли, Г.Зиммеля, Дж.Коулмена. Второе направление полагает категорию интереса как одну из основных в социологической рефлексии, наряду с другими социологическими категориями. Эта точка зрения прослеживается у К.Маркса и Ф.Энгельса, М.Вебера, Р.Перри, П.Бурдые и др. В третьем направлении интерес характеризуется как малозначимая социологическая категория (Э.Дюркгейм, В.Парето, Р.Мертон). И наконец, в четвертом направлении категория интереса отрицается за ненужностью в социологической рефлексии (Т.Парсонс, Р.Парк, Э.Берджес, Дж.Мейер).

Первое направление, полагающее категорию “интерес” фундаментальной в объяснении общественной жизни, по большому счету абсолютизирует этот феномен, не рассматривая никаких других социальных факторов, движущих поведением. Социологи, которых мы условно отнесли к данному направлению, мыслили социальную реальность сугубо в терминах интереса, то есть объясняли все происходящее результатом индивидуальных и социальных потребностей, устремлений, интересов. Рассматривая интерес как базовую категорию в объяснении социальной реальности, они, однако, не смогли провести четкого разделения между психологической и экономической трактовкой феномена, с одной стороны, и его социологической интерпретацией — с другой.

Тем не менее рассмотрение категории интереса как ключевой в социологической рефлексии предполагает ряд ценных идей. В частности, объяснение Э.Россом с помощью категории интерес “социальной силы” развития общества достаточно актуально и по нынешний день. Заслуживает внимания трактовка Г.Зиммелем интереса как скрытого источника социальных форм взаимодействия. И наконец, востребованными остаются предложенные А.Бентли и Дж.Коулменом оригинальные трактовки категории “интерес” как структурирующего элемента социальной жизни и способа контроля жизненно необходимых ресурсов.

Второе направление, предполагающее обращение к категории “интерес” как одной из основных в объяснении социологических реалий, избегает опасности ее абсолютизации, предлагая ее позиционирование в системе других понятий и категорий. Так, данная категория является одной из центральных в диалектико-материалисти-

ческой социологии К.Маркса и Ф.Энгельса, наряду с такими категориями, как отчуждение, конфликт и сознание. В свою очередь, основная заслуга М.Вебера в становлении исследуемой категории прослеживается в том, что он смог поместить концепт интереса в круг социологических категорий и в то же время сделать его их интегральной частью. Социолог использовал данную категорию для описания социального феномена интереса как в духе теорий среднего уровня, так и в масштабах макросоциологического подхода, стремясь дать ему дефиницию не только в рамках экономической деятельности, но и в политике, религии, интеллектуальной и даже интимной сфере.

Понимание категории “интерес” П.Бурдьё отличается от веберовской трактовки в том смысле, что эта категория выступает органической частью его социологической теории. Бурдьё придал категории “интерес” ту же значимость, которой наделил такие концепты, как габитус, поле и капитал, однако это не исключило противоречивости использования данной категории. В частности, ценной представляется идея, что интересов ровно столько, сколько можно выделить социальных полей и сколь велико желание агента бороться за различного рода капиталы того или иного поля. Бурдьё, с одной стороны, подчеркивает, что категория “интерес” не должна использоваться лишь для описания преимущественно социальных конструкций, в отрыве от действующего агента. И в то же время отвергает психологический контекст, исходя из классического дюркгеймовского постулата объяснения социальных фактов только социальными фактами.

И наконец, третье и четвертое направления, рассматривают категорию “интерес” как малозначимую либо вообще ненужную в социологической рефлексии, сводя все многообразие и противоречивость социальной жизни к ценностям, нормам, культуре и нивелируя роль человеческих интересов. Причиной столь прохладного отношения к категории является отрицание сторонниками системных подходов методологического индивидуализма, который обычно ориентирован на изучение труда, рефлексии, интереса и т. п. Очевидно, что представители этих подходов не заинтересованы в социологическом анализе интересов, поскольку рассматривают общество как системное единство, возможное в терминах культуры, практик, символов, языка.

Следует отметить, что и Т.Парсонс, и Дж.Мейер довольно неоднозначно относятся к категории “интерес”, и отрицая, и используя ее в своих построениях. В частности, Т.Парсонс в “Структуре социального действия” разделяет идеи М.Вебера о религиозном интересе и в то же время критикует интерес как категорию за свойственный ей экономико-прагматический оттенок. В свою очередь, Дж.Мейер признает, что формальная организация, построенная на прагматическом интересе, всегда является “рациональным мифом”, но при этом указывает, что категория “интерес” выступает эффективным критерием, объясняющим развитие неформальных организаций. Очевидно, что ключ к пониманию подобной двойственности лежит в том, что социологи отталкиваются от экономической трактовки интереса и отождествляют социологическую категорию интереса с категорией экономического интереса.

Таким образом, степень востребованности категории “интерес” в теоретико-социологических построениях варьирует от ее апологетики до неприятия. Представляется, что подобное многоголосие во многом определяется парадигмальной позицией социолога и актуальным спектром решаемых задач, придающих данной категории ту или иную семантическую нагрузку и специфику операционализации. Как в свое время заметил Р.Мертон, категориальная неопределенность и противоречивость объясняется тем, что как “протокатегория” интерес не получил особой научной разработки и концептуальной точности и применялся для интерпретации целого спектра разнообразных феноменов. Поэтому не удивительно, что в широком семантическом поле этой категории каждый из социологов был склонен находить свои смыслы и свою систему ориентиров.

В заключение следует отметить, что категория “интерес”, открывая в различных исторических и проблемных срезах новые аспекты своего содержания, по-прежнему

му остается источником теоретико-социологических поисков, обеспечивающих развитие социологии как науки. Как будет выглядеть современная социологическая трактовка интереса? В каком значении категория интереса будет представлена в эмпирических исследованиях? Это лишь ряд вопросов, на которые предстоит ответить, если мы хотим иметь теоретически и практически востребованную социологическую категорию “интерес”.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальные интересы: возможность концептуализации в рамках постнеклассической исследовательской платформы

Проблемная ситуация: Быстро и неоднозначно протекающие процессы модернизации украинского общества обнаружили значительные изменения в тех моделях межличностных и межгрупповых отношений, которые были присущи нашему обществу. Здесь неуместны оценочные высказывания, хотя они часто провоцируются теми изменениями в шкале ценностей, которые влекут за собой модернизационные процессы. Приобретая по шкале прагматичности, мы часто утрачиваем по шкале нравственности, приобретаем по шкале индивидуализма и инициативности, мы утрачиваем по шкале коллективизма и взаимответственности. И если для нас, находящихся только на первых этапах продвижения по пути модернизации, потери кажутся не очень заметными на фоне приобретений, то в развитых западных обществах издержки этих процессов уже очевидны. Наиболее ярко это описано в работах Баумана (“Индивидуализированное общество”), Фукуямы (“Великий разрыв”), Бека (“Общество риска”), Бьюкенена (“Смерть Запада”).

Главный конфликт и главное противоречие, которое при этом возникает, — это сложность в согласовании групповых и индивидуальных интересов. Попытка описать это с помощью моделей рационального действия (предположение, что совокупный результат деятельности многих агентов, направленной на реализацию собственных интересов, ведет к максимизации выгод в реализации групповых интересов) не дает желаемых результатов. Из теории игр известно, что ориентация лишь на собственные интересы оказывается оптимальной только в ситуации игры один на один. В случае командных игр модели индивидуальной оптимизации и рациональности не срабатывают.

Социологическая проблема, задающая цель данного исследования, может звучать следующим образом: какие модели согласования индивидуальных и групповых социальных интересов работают в современном украинском обществе. И, соответственно, основной *предмет исследования* можно обозначить как место и роль социальных интересов в изменении межгрупповых и межличностных отношений под влиянием динамических процессов на макроуровне социокультурного пространства (прежде всего модернизационных изменений).

Одна из основных задач первого этапа исследования, на мой взгляд, состоит в необходимости рассмотреть возникающую проблему в контексте современных общенаучных методологических установок, современной гносеологической и эпистемологической ситуации.

Говоря о ситуации, сложившейся на данном этапе науковедческого дискурса, принято исходить из выделения классического, неклассического и постнеклассического этапов развития науки. Это придает особое звучание проблеме выбора теоретической платформы выполнения всякой научной работы, требуя отрефлексированной позиции авторов в этом пространстве парадигмальных констелляций, с уче-